

Т.П. Буслакова

«Незнакомка» (1906)

Сам автор свидетельствовал, что тема этого стихотворения была характерна для целого периода его творчества — ее «развитие», как писал он в примечании к стихотворению, можно найти «в лирической драме того же имени». А в предисловии к первому изданию сборника «Нечаянная радость» (1907) Блок характеризовал свое внутреннее состояние как сосредоточенность «молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир — балаган, позорище».

«Она осталась бы такою, — продолжал поэт, — если бы не тревожили людские обители — города. Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи — снежные королевы — влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слушали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти».

Очевидно, что настроение лирического героя «Незнакомки», как и других стихов 1906 года, обусловлено и философскими раздумьями, и впечатлениями от современности, «страшными и прекрасными видениями жизни». Ее приметы изображены в стихотворении подробно и безжалостно. Евгений Павлович Иванов, друг Блока с 1903 года до последних дней, вспоминал, что, будучи у него в Озерках (место написания стихотворения, дачная местность под Петербургом), видел показанные ему поэтом вывеску булочной, шлагбаумы, канавы, прислушивался к крикам гуляющих на лодках по озеру. В первой «части» (в каждой из них рисуется то, что происходит «по вечерам», «каждый вечер»), составляющей четыре строфы, описана будничная дачная жизнь. Здесь нет ни тени идеализации: «окрики пьяные», «пыль переулочная», «золотится» только вывеска — «крендель булочной», дети плачут, женщины визжат, мужчины — «испытанные остряки», а самое поэтичное в пейзаже, луна, — «ко всему приученный», «бессмысленно» кривящийся «диск».

Вторая «часть» (две строфы, пятая и шестая) посвящена обрисовке лирического героя, чьим «другом единственным» среди «скуки загородных дач» является его отражение. Мотивировкой «видения», которое появится перед ним в третьей «части» стихотворения, становится и «весенний и тлетворный дух», будоражащий нервы, и «влага терпкая и таинственная», «каждый вечер» смиряющая и оглушающая героя в дачном ресторане рядом с «лакеями сонными» и «пьяницами с глазами кроликов». Наконец, вторая половина стихотворения и его третья «часть» — это сон, мечта («Иль это только снится мне?»). В образе «незнакомки» реальная основа не столь важна: независимо от того, что вызвало видение — появление девушки или огни проходящего «в час назначенный» поезда, поэт рисует идеал — «сокровище» его собственной души. Здесь сочетаются черты земные (шелка, духи, шляпа с «перьями страуса», «в кольцах узкая рука», «девичий стан», «очи синие») и «странные», таинственные, приснившиеся. Шелка «веют древними поверьями», за «темной вуалью» возникает «берег очарованный»:

И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Нанизывается целый ряд слов-сигналов: «туманы», «очарованная даль», «солнце», «дальний берег», «сокровище», связывающие «незнакомку» с «Прекрасной Дамой». Но, в отличие от ранних стихов, «Ее» «прибытие» совершается, «в... душе» лирического героя, «все... излучины» которой «Пронзило терпкое вино».

«Вино» реальное («в моем стакане»), упоминаемое в сниженном контексте, и «сокровище» воображения, в котором «истина», «тайны». Двоемирие создается на основе

разделения бытового и воображаемого планов. Первый наполнен звуками («окрики», «плач», скрип, «визг», крик), будничными лицами и деталями. Второй беззвучен, зато благоуханен и прекрасен, в нем только двое героев, оба одиноки, но связаны «странной близостью». Несмотря на его призрачность, сама его отделенность от несовершенной земной реальности отождествляется с истиной. Опьянение («истина в вине») приобретает иной смысл: правда не в серости будней, а в уходе от них, в мечтах о возвышенном, в творческом воображении, способном создать параллельную действительность.

Необычайную музыкальность стихотворению, написанному четырехстопным ямбом, придает сочетание в перекрестной рифмовке дактилических (с ударением на третьем от конца слоге) и мужских (с ударением на первом от конца слоге) рифм:

В седьмой строфе отчетливо заметен ассонансный звук «а», пронизывающий все стихотворение, часто используемый в рифмах. К нему, как к тонике, постоянно возвращается мелодия:

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

Особенно интересна восьмая строфа, в которой ударный звук «а» рифмуется в обеих рифмических цепочках.